Обсуждая вопросы религии и правоприменения, редакция журнала не могла обойти вниманием позицию Русской православной церкви как крупнейшего религиозного актора на постсоветском пространстве. В рубрике «Интервью» публикуются ответы Романа Силантьева, официального представителя РПЦ, на некоторые из вопросов, которым посвящен данный номер.

Роман Анатольевич Силантьев — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, директор Центра географии религий при Синодальном отделе по взаимоотношениям Церкви и общества, исполнительный директор Правозащитного центра Всемирного русского народного собора (http://pravovrns.ru/).

Роман Силантьев

«Россия ни в чем не обязана ориентироваться на Европейский суд по правам человека»

Roman Silantyev:

„Russia should not be guided by the European Court of Human Rights“

Roman Silantyev — Director of the Human Rights Center of the World Russian People's Council; Director of the Centre for the Geography of Religions, Synodal Department for Church-Society Relations, Moscow Patriarchate. pc@vrns.ru

Answering the questions by the Editors of the journal, the official representative of the Russian Orthodox Church shared his views upon a number of issues. He believes the state must react through legislation to protect „religious feelings“ against intentional offences. He also believes that the freedom of expression should be limited, especially in cases of mass rallies and public events. He makes the point that Russia is not obliged to follow the rulings of the European Court of Human Rights. Silantiev calls to hardening of the 1997 Law of religious freedom, especially against those religious associations that tend to create conditions for extremism and terrorism, and that the state has a legitimate right to make a preference toward those religions that are the long established and reliable partners.

Keywords: offending religious feelings, freedom of expression, European Court of Human Rights, Russian legislation of the freedom of conscience, traditional religions, extremism, legal pluralism.

Существуют ли какие-то способы перевода понятий «богохульство» и «кощунство» на язык светских правовых норм? Какова практика на этот счет в других, прежде всего цивилизованных, странах?

Мне кажется, тут нет особой проблемы. Светские правовые нормы даже в современном виде способны защитить граждан от тех вещей, которые их оскорбляют. Тем не менее общество по мере развития встает перед новыми вызовами своему спокойствию и стабильности, на которые реагирует новыми законами. Сейчас у нас есть проблема массового оскорбления чувств верующих, причем не только словом, но и действием. Государство обязано на это отреагировать, скорректировав законодательство. Что есть оскорбление, будет решать суд, опираясь на данные экспертизы. Примерно так же сейчас рассматриваются дела об ущербе деловой репутации, оскорблении или клевете. При этом в Европе реальный срок можно получить не только за богохульство (особенно в отношении исламской религии), но и за отрицание Холокоста.

Где должны пролегать границы права человека на самовыражение (художественное, интеллектуальное и т. д.)? Допустимо ли ограничение свободы самовыражения во имя защиты религиозных устоев и общественной морали? Если да, то в какой степени?

Можно привести популярный пример о том, что свобода кулака одного человека заканчивается у лица другого. Ограничение свободы самовыражения не только допустимо, но и необходимо. Иначе любое преступление можно объявить перформансом, что, кстати, периодически и происходит — так, акции арт-группы «Война» сводились к повреждению или поджогу полицейского транспорта, рисованию похабных картинок на разводных мостах и к тому подобным вещам, которые в лучшем случае классифицируются как злостное хулиганство. То же самое можно сказать и об альянсе вышедших на пенсию «жриц любви» «Femen», которые откровенно нарушают общественный порядок и занимаются вандализмом уже по всему миру.

Если подобного рода «арт-акции» не будет пресекать государство, то эту проблему решат его граждане, которые могут объявить художественное избиение радикальных самовыразителей арматурой своим вкладом в многогранное современное искусство. Об этом, например, совершенно четко сказал президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров, отвечая на вопрос о последствиях проведения «панк-молебна» в мечети. Таким образом, вопрос о границах самовыражения вполне решаем, особенно если это касается публичных мероприятий.

Как Вы оцениваете практику решений Европейского суда по правам человека, в частности, в том, что касается вопросов религии? Следует ли России ориентироваться на ЕСПЧ в своем законотворчестве и правоприменении?

Решения этого суда в целом ангажированные и антироссийские. Не думаю, что на них стоит обращать особое внимание, хотя систематические убытки российской казне они приносят. Видимо, это считается неизбежным побочным эффектом в затянувшемся процессе интеграции России в Евросоюз. Решения российских судов ЕСПЧ отменять не может, требовать изменения нашего законодательства — тоже. В связи с этим Россия ни в чем не обязана ориентироваться на ЕСПЧ.

Как Вы оцениваете нынешнее российское законодательство в сфере свободы совести и религиозных объединений? Нуждается ли это законодательство в каких-либо изменениях/дополнениях?

Современное российское законодательство в указанной сфере в целом неплохое, однако чрезмерно либеральное и компромиссное. Закон 1997 года, конечно, прогрессивен по сравнению с законом 1990 года, но уже заметно устарел — особенно это касается пятнадцатилетнего «испытательного» срока для религиозных организаций.

Полагаю, что закон образца 1997 года нуждается в существенном ужесточении, особенно в отношении религиозных организаций, создающих предпосылки для развития экстремизма и терроризма. Такая проблема сейчас стоит очень остро, особенно в исламском сегменте. Кроме того, имеет смысл пересмотреть

официальные регистрации целого ряда новых религиозных движений — в первую очередь Свидетелей Иеговы, которые все чаще ведут откровенно противозаконную деятельность.

Возможно ли вводить какую-то правовую градацию между религиями в условиях светского государства? Например, можно ли проводить грань между традиционными и нетрадиционными религиями и не будет ли это нарушением принципа равенства всех религиозных объединений перед законом и их равноудаленности от государства?

Конечно. Государство само может выбирать те религиозные организации, которые считает своими наиболее давними и надежными партнерами, которые внесли серьезный вклад в его становление и объединяют значительную часть верующих. Где-то эта схема реализуется в виде конкордатов, а в регионах России начинает распространяться практика заключения договоров о социальном партнерстве с местными епархиями и духовными управлениями мусульман — например, в Челябинской области. Похожим образом дело обстоит в сфере национальной политики; в определенных регионах определенные этносы получают определенные преференции — как ханты и манси в Ханты-Мансийском АО. Опять-таки национальностей в России сотни, а бюджетные средства выделяются преимущественно коренным. И это никак не дискриминирует остальных.

Можно привести и другие примеры — все партии что в России, что в Евросоюзе равны перед законом, однако эфир для теледебатов получают далеко не все и далеко не со всеми местные власти осуществляют совместные программы. Потому как есть партии маргинальные и мелкие, а есть крупные и уважаемые, так есть и религии. И это объективная реальность.

Как Вы оцениваете перспективы правового плюрализма в условиях современной России?

Правовой плюрализм работает только в условиях стран с государственными религиями — ранее в Российской Империи мусульмане могли жить согласно законам шариата, а в современном Иране аналогичными правами наделяются христиане, причем

православная община живет по закону дореволюционной России. В подчеркнуто же светских государствах особое внимание уделяется целостности правового поля — так, с 2000 года в России региональные законы стали приводиться в соответствие с федеральным законодательством.

Беседовал Александр Кырлежев